

История 2013-2023

ISSN 2079-8784

URL - <http://ras.jes.su>

Все права защищены

Выпуск 9 (131) Том 14 - Дипломатическая служба в России и Европе в Новое время | Гражданские конфликты Иberoамерики: исторические уроки и современные проекции. 2023

Испанские «модерадос» в середине XIX в.: межфракционные противоречия и борьба

Василенко Юрий Владимирович

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Российская Федерация, Москва*

Аннотация

В статье анализируются межфракционные противоречия и борьба в испанской партии «модерадос» в середине XIX в. Автор предлагает структурировать эту партию как состоящую из двух крыльев: либерально-консервативного (левый фланг) и традиционалистского (правый фланг); и если первое определяется им как мейнстрим партии, то второе — как ее периферия, не всегда признаваемая в историографии вопроса. Либерально-консервативное крыло также подразделяется на три фракции, которые, не будучи никогда институционализированными, имеют тем не менее своего «фронтмена» и определенный идейно-ценностный ряд: так, во главе центристской фракции автор предлагает поставить Ф. Мартинеса де ла Росу, правой — Х. Браво Мурильо, а левой — А. Боррего Морено. Проследив кратко историю взаимоотношений между фракциями и определив исторически значимые точки конфликтов, автор приходит к выводу о том, что в основе их противоречий лежало различное соотношение либеральной Свободы и консервативного Порядка, что во многом обуславливало их склонность или несклонность к политическому насилию и степень договороспособности с оппонентами.

Ключевые слова: Испания XIX в., «модерадос», партийные фракции, либеральный консерватизм, традиционализм, Новый порядок

Дата публикации: 26.10.2023

Ссылка для цитирования:

1

Введение

Политическая система любой страны всегда несет на себе отпечаток исторической эпохи, наиболее интересной же для аналитиков традиционно является эпоха переходная. Совмещая в себе элементы старого и нового времени, переходные эпохи способны порождать самые причудливые политические структуры, которые будут стараться «усидеть на двух стульях» и переливаться самыми неожиданными идейно-ценностными цветами и красками, повинуюсь либо стратегическому мышлению своих выдающихся лидеров, или «фронтменов», либо непредсказуемой в своем развитии политической ситуации, определяемой появлением, как это уже сейчас принято говорить, «черных лебедей». В истории Испании подобных эпох было несколько; мы же возьмем лишь середину XIX в. — время, в которое уходит своими корнями современная Испания как наиболее актуальная для нас в непосредственном плане.

2

Поскольку Испания не является страной, определяющей классические модели эпохи модерна, каковыми стали первоначально Великобритания и Франция, то и среди историков нет единого мнения относительно того, с какого момента мы должны отсчитывать начало Нового — либерально-буржуазного — порядка в этой стране, поскольку процесс его становления растягивается в ней на целое столетие и включает в себя сразу несколько исторических эпох, каждая из которых по-своему уникальна.

3

Эпоху правления Карлоса III (1759—1788 гг.), положившего неоспоримое начало этому процессу, в целом можно охарактеризовать как мирное сосуществование Старого и зарождающегося Нового порядков. «Именно во второй половине [XVIII в. — Ю. В.] века, — пишет Х. Эрреро, — и, прежде всего, начиная с 1760 г., когда интеллектуальные инновации Просвещения проникают в широкие слои испанского общества»¹, появляется «сознательное решение монархии» трансформировать испанское традиционное общество в соответствии с «рационалистическими идеалами», распространяющимися в Европе, «что в Испании воплощается в Карлосе III»². Но уже следующая за ней эпоха Карлоса IV (1788—1808 гг.) характеризуется глубоким кризисом Старого, но пока еще и предельной хрупкостью новых социально-политических структур, откровенно спасовавших перед лицом Великой французской революции, которая во всей своей полноте докатилась до Испании относительно поздно, породив одновременно как минимум два разнонаправленных процесса.

4

Так, с одной стороны, «французская революция, — как и положено, — является критическим моментом для данного раскола, ужесточив позиции и противопоставив одних другим»³. Отсюда и кризис 1808 г., который

первоначально даже современникам показался переломным («точкой надлома», как выразился М. Артола Гальего⁴), поскольку именно в это время происходят наиболее принципиальные для последующей политической истории Испании события⁵. «1808 г., — пишет Х. Альварес Хунко, — отмечает собой момент разрыва, дату, когда закончилось так называемое Новое время в истории Испании, — а с ним, в действительности, и Старый порядок — и началась другая эпоха, которую латинский академический мир называет “новейшей”»⁶. Современная испанская историография опирается на эту дату как некую точку отсчета, аргументируя это тем, что именно в это время в политическом дискурсе испанцев появляются такие понятия, как национальный суверенитет, права человека, верховенство закона и разделение властей; в это время, утверждает Х. Авилес Фарре, «во многих отношениях происходило зарождение современной Испании»⁷. Начиная с «изобретателя традиции» М. Менендеса-и-Пелайо, который довольно категорично написал, что «никогда еще на протяжении всей истории не просыпались нации с таким воодушевлением после долгого и тяжелого сна, как Испания в 1808 г.»⁸, многие испанские и неиспанские историки начинают использовать эту дату в своих исследованиях, что называется, «по умолчанию»⁹. Так, в 1808 г. становится очевидным «тотальное банкротство личностей и институтов, представлявших Старый порядок», «исчезновение многовековой политической структуры» и «органов, представлявших абсолютистско-монархическую легитимность», и появление «новой легитимности, народной»¹⁰, — пишет Артола. «В мае 1808 г. народное восстание, начатое против французской военной оккупации, обозначает начало новой политической эры»¹¹, — убеждены А. Элорса Домингес и К. Лопес Алонсо, и так далее.

⁵ С другой стороны, тот же 1808 г. становится и «сумеречным годом для новой Испании»¹². Дело в том, поясняет свою мысль Артола, что «те, кого мы определяем как консерваторы, не участвовали [в революционном процессе — Ю. В.] широко, поскольку полагали само собой разумеющимся континуитет [Старого порядка — Ю. В.], а с ним и не видели большой потребности в постановке базовых для построения общества и государства проблем»¹³. «Если бы удалось предвидеть столь экстраординарное разрушение, какое случилось в 1808 г., — поясняет нам из середины XIX в. Х. Л. Бальмес-и-Урпия, — то, вероятно, [испанцы — Ю. В.] постарались бы перенести все возможные капитальные инновации на более позднюю эпоху»¹⁴.

⁶ Отсюда совершенно закономерно, что длительная для ускоряющегося исторического времени эпоха Фернандо VII (1814—1833 гг.) становится временем жесточайшего идейно-ценностного противостояния и вооруженной борьбы между Старым и Новым порядками: «Решительный раскол, радикальное разделение, которое создаст ужасное эмоциональное напряжение, сделавшее парламентский диалог крайне нестабильным на всем протяжении XIX в., произойдет определенно благодаря жесточайшему репрессивному перевороту 1814 г.»¹⁵. Однако в итоге на данном этапе — пусть и с небольшим перевесом — побеждает все-таки Старый,

поскольку, объясняет нам Бальмес, в Испании «реакции были очень насильственными, более эффективными, чем в других странах»¹⁶, благодаря чему испанцы как «самый монархический народ Европы будут искупать самым жесточайшим образом эксцессы демократии»¹⁷, а противники демократии на протяжении почти всего XIX в. будут утверждать, что «мы не реакционеры, мы справедливые»¹⁸.

7 Необратимый крах Старого порядка в Испании наступает лишь во времена Изабель II (1833—1868 гг.), которая вместе со своей матерью королевой-регентшей Марией-Кристиной, исповедуя в той или иной степени идеи своих предков-абсолютистов, не смогла эффективно противостоять ходу «локомотива истории» и почти сразу же согласилась с победой Нового порядка, будучи активно поддержана новой — либерально-буржуазной — политической элитой и вступив в войну со старой, феодальной средневековой. Тем более что «Старый порядок, — излишне категорично, на наш взгляд, для традиционалиста заявляет Ф. Суарес Вердегер, — продемонстрировал отсутствие решений»¹⁹.

8 Мы сосредоточимся на эпохе Изабель II, поскольку к этому времени новые социально-политические структуры Нового порядка выходят в Испании из состояния зародыша и, наконец-то, начинают обретать ощутимые формы, анализ которых не требует постоянных оговорок и ссылок на незавершенный процесс становления исторических феноменов.

9 Наибольший интерес в данном контексте вызывает центристская партия, определявшая себя как «модератос» (буквально: «умеренные»), которая на испанском политическом спектре занимала промежуточное положение между революционно ориентированными «прогрессистами» (левыми) и контрреволюционными традиционалистами (правыми) и стремилась, как говорили в Великобритании и Франции, к либерально-консервативному консенсусу, но не на основе гармонизации интересов либерально и консервативно ориентированной буржуазии, а шире — либералов и традиционалистов, то есть буржуазии, с одной стороны, и католической Церкви и средневековой аристократии, с другой. Как пишет Суарес Вердегер, эта партия «состояла из аристократии и богатеющей буржуазии; они были “просветителями”, бюрократами и придворными; друзьями больше порядка, чем справедливости, многие — бывшие сторонники Фернандо VII, противники насильственных процедур»²⁰. Примечательно, что в реалистичность подобного консенсуса в середине XIX в. совершенно не верит Бальмес, утверждая, что «в Испании нет середины между католической религией и безбожием»²¹. Однако современные историки дают уже иную трактовку этого консенсуса как относительно состоявшегося: в частности, либерал Артола, который связывает «сословное общество» Старого порядка с идеологией традиционализма, а «классическое общество» Нового — с либерализмом²²; причем, похожие решения мы можем найти в трудах как левых (социал-демократы Х. Олабаррия Агра²³ и Х. Про Руис²⁴), так и правых (традиционалист С. Галиндо Эрреро²⁵ и либеральные консерваторы К. Секо Серрано²⁶ и Г. Буэно Мартинес²⁷) по своим убеждениям историков.

10 Так или иначе, становление Нового порядка требовало и новых социально-политических структур. В результате «модерадос» настолько широко растягивались по политическому спектру, что иногда внутренние противоречия и борьба между их фракциями достигали куда более жесткого накала, нежели между изначально враждовавшими уже на протяжении десятилетий левыми и правыми, поскольку, как пишет П. Ю. Рахшмир, «на юге [европейского — Ю. В.] континента, а также в трех империях (Германской, Российской и Австро-Венгерской) процесс буржуазно-аристократического синтеза явно пробуксовывал»²⁸. Более детальное объяснение этому предлагает Суарес Вердегер: «модерадос» «претендовали на продвижение своих инноваций под зонтиком традиционных испанских законов, и это обстоятельство стало причиной того, что даже на протяжении всего XIX в. многие либералы, будучи, как правило, теоретиками и обладая самыми лучшими намерениями, демонстрировали в своих работах или речах огромную доктринальную путаницу, совмещая институты, теории и принципы, несовместимые в одной системе»²⁹.

11 Мы будем анализировать внутривнутрипартийные противоречия и борьбу в среде «модерадос» с опорой на два вида неформальных структур: два крыла (либерально-консервативное как левое, являвшееся мейнстримом; и традиционалистское как правое, периферийное) и три фракции первого (в порядке их генезиса и вклада в политическую историю Испании: центристскую, правую и левую). Данные партийные структуры никогда не были институционализированы, благодаря чему их представители могли легко и беспрепятственно переходить из одной в другую, ничего не теряя для своего имиджа и репутации. Спорным остается лишь вопрос о дате окончательного формирования «модерадос» как института, далекого в своей сущности от классических политических партий в понимании М. Дюверже. Согласно французскому социологу, «модерадос» были, скорее, «группой давления», в которую входило неопределенное, но ограниченное число общественно-политических деятелей, отстаивающих не только общественные, но и свои собственные интересы³⁰. Полуархаичный характер «модерадос» как политической партии на данном историческом этапе не в последнюю очередь был связан и со спецификой ее генезиса. Так, к провозвестникам «модерадос» иногда относят таких различных по своему характеру «политиков», как фаворит Карлоса IV М. Годой-и-Альварес и председатель первого правительства времен Нового порядка Ф. Сеа Бермудес, которых формально роднит то, что они умели «сохранять равновесие между радикальными революционерами и реакционными традиционалистами»³¹; в той же логике «между» развивалась и политическая карьера Г. М. де Ховельяноса, называемого, — причем, не только его апологетами — «архетипом», «парадигмальным кейсом»³² и даже «главой»³³ всего испанского Просвещения. Между тем, если мы прислушаемся к непосредственному наблюдателю событий Бальмесу, то получается, что еще «в 1835 г. дистанция, которая разделяла две партии [«прогрессистов» и либерально-консервативное крыло «модерадос» — Ю. В.] была мала; ... они спорили лишь о методах; ... в 1838 г. они отделились друг от друга еще больше; и в 1840 г. уже едва ли можно было найти хоть один пункт, в котором бы они были согласны»³⁴. Эту идею, подтверждая ее на

обширном историческом материале, подхватывает и Суарес Вердегер, утверждая, что именно в 1840 г. в Испании завершается кризис Старого порядка³⁵.

12 Схематично структура «модерадос» в предлагаемой нами трактовке — с разделением на два крыла и фракции — выглядит следующим образом.

13

Либерально-консервативное крыло			Традиционалистское крыло
Левая фракция	Центристская фракция	Правая фракция	
А. Боррего Морено	Ф. Мартинес де ла Роса	Х. Браво Мурильо	Х. Доносо Кортес (после 1847 г.)

14 В данном случае мы не будем погружаться в проблему, насколько статус лидера фракции, приписываемый нами тому или иному выдающемуся общественно-политическому деятелю Испании середины XIX в., является обоснованным или спорным, ограничившись простым заявлением следующего тезиса: «фронтменом» центристской фракции либерально-консервативного крыла «модерадос», по нашему мнению, являлся Ф. Мартинес де ла Роса (1787—1862), правой — Х. Браво Мурильо (1803—1873); и левой — А. Боррего Морено (1802—1891). И если основной заслугой Мартинеса было общее отмежевание либерально-консервативного крыла от прогрессистов слева и традиционалистов справа, что, помимо всего прочего, не раз ставило под удар и общее единство «модерадос» как партии; то основная заслуга Браво, — наоборот, уже сцепка либерально-консервативного крыла с традиционалистским справа; что как минимум говорит о разнонаправленном характере политического действия либерально-консервативных фракций «модерадос». Основная же заслуга Боррего идет еще дальше: он вносит значительный вклад в отмежевание левой фракции от центристской, что впоследствии позволит непосредственно связать историческое наследие «модерадос» с Либерально-консервативной партией великого А. Кановаса дель Кастильо³⁶, «архитектора» уже следующей исторической эпохи, и ее уже современными идейными наследниками. Притом, что «фронтменом» левой фракции очень часто в исторической литературе называют Х. Ф. Пачеко-и-Гутьерреса, он при всех своих заслугах все-таки не смог сделать то, что сделал Боррего, либо делал это менее последовательно; соответственно, и для нас он представляет значительно меньший интерес.

15

1. Либерально-консервативное крыло «модерадос»

1.1. Центристская фракция. Мартинес начинает свою политическую карьеру почти под самый занавес Кадисских кортесов (в 1813 г.) в рядах так называемых «либеральных патриотов», отказавшихся сотрудничать с французскими оккупантами; во времена «Либерального трехлетия» (1820—1823 гг.) он впервые становится председателем правительства и старается наладить конструктивные отношения с Фернандо VII, который до этого последовательно преследовал всех либералов в принципе. Вернувшись после смерти короля из очередной ссылки,

Мартинес как автор Королевского статута (1834—1836 гг.) превращается в одного из «архитекторов» Нового порядка³⁷.

¹⁶ В теории центристский характер фракции Мартинеса имеет два смысла. Первый — широкий — это стратегическое противостояние либерально-консервативного крыла «модерадос» с прогрессистами слева и традиционалистами справа; второй — узкий — тактические противоречия и борьба центристской фракции либерально-консервативного крыла с его левой и правой фракциями. В целом же, как пишет Секо Серрано, «выражения “золотая середина” и “дух века” являются типичными для политического вокабулярия Мартинеса де ла Росы»³⁸; «транзакционистская платформа, артикулированная Мартинесом де ла Росой в его знаменитом Статуте, [была — Ю. В.] первой попыткой равновесия между традицией и революцией»³⁹.

¹⁷ Однако на практике все было сложнее. Противоречия Мартинеса с прогрессистами начинаются еще во времена «Либерального трехлетия», когда он вознамерился, как пишет его биограф П. Перес де ла Бланка Салес, «реформировать [Конституцию 1812 г. — Ю. В.]... в более практическом ключе»⁴⁰. В середине 1830-х гг. Мартинес формулирует главный лозунг своей деятельности — «защитить Свободу и Трон»⁴¹, — который разведет «модерадос» и прогрессистов окончательно, поскольку последние предпочитали защищать прежде всего Свободу, в то время как защита Трона, оспариваемого изабелитами (сторонниками Изабель II) и карлистами (сторонниками ее дяди дона Карлоса) в ходе открытого вооруженного конфликта, становится понятием неоднозначным.

¹⁸ Более того, в ходе дискуссий вокруг Королевского статута (1834—1835 гг.) происходит раскол не только между «модерадос» и прогрессистами, но и между центристской и левой фракциями либерально-консервативного крыла «модерадос». Политический журналист Боррего со страниц своей газеты “El Español” потребовал принятия более широкого избирательного закона, упорядочивания свободы печати, увеличения министерской ответственности и реформы местной администрации⁴². Предлагая целую программу действий по дальнейшей либерализации испанской общественно-политической жизни, Боррего показывает, что Королевский статут был воспринят левой фракцией как «система ультра-рестриктивная»⁴³. «Система сеньора Мартинеса де ла Росы, — утверждает он, — является сущностно консервативной, поскольку предполагала использование силы для сдерживания революции и победы над карлизмом»⁴⁴.

¹⁹ Принося тактически в жертву отношения с левой фракцией, Мартинес собирает вокруг «модерадос» всех изабелитов, включая традиционалистское крыло партии, и обрушивается на карлистов: «Права нашей королевы [Изабель II — Ю. В.], — утверждает он, — не могут быть оспорены; они основаны на бесконечной традиции, многовековой практике, нашей непрерывной истории и фундаментальных положениях нашего законодательства»⁴⁵. Замысел Мартинеса был довольно прост: левая фракция, выбирая между собственными центристами и карлистами, все равно выберет первых. Одновременно, формулируя широкую

либерально-консервативную доктрину, он преломляет главный аргумент карлистов — обращение к Традиции — в собственном ключе: «Кортесы королевства являются единственным признанным легальным средством, призванным с незапамятных времен умерять несправедливые претензии, разоружать партии и разрушать их необратимо с целью обеспечения грядущего мира в государстве»⁴⁶. В итоге карлисты, прибегшие к оружию, объявляются вне закона, а левой фракции предлагалась широкая парламентская платформа для дальнейшего диалога в рамках всей партии «модерадос», поскольку, по мысли Мартинеса, «мир и справедливость может дать только Порядок»⁴⁷.

²⁰ Революция 1848—1849 гг. существенно обостряет отношения Мартинеса с левой фракцией, несмотря на то что в 1847 г. ее «фронтмен» Пачеко в течение пяти месяцев занимает пост председателя правительства и проводит политику, которая за исключением нескольких символических актов ничем в своей сущности не отличалась от центристской политики генерала Нарваэса. При этом «либеральная диктатура» генерала⁴⁸, за которой стоял и Мартинес в качестве его ближайшего советника, не могла быть принята левой фракцией в целом, поскольку настолько выходила далеко за рамки непосредственного предотвращения революции и минимизации ее негативных последствий, что вызывала возмущение даже у довольно аполитичного традиционалистского крыла. Одновременно «протоавторитаризм» Нарваэса ломает и самого Мартинеса, который в начале 1850-х гг. постепенно расстается с генералом, а в 1858 г. и вовсе вступает в ряды центристского «Либерального Союза» (ЛС), либерально-консервативная часть которого формируется на основе левой фракции. В итоге, проявляя на протяжении всей своей карьеры чудеса гибкости, Мартинес спешит за провозглашенным им некогда либеральным «духом века», справедливо полагая, что именно за ним пусть и далекое, но будущее.

²¹ 1.2. Правая фракция либерально-консервативного крыла «модерадос» оформляется лишь в начале 1850-х гг. вокруг правительства Браво (1851—1852 гг.) вообще и его конституционной реформы, в частности. До этого провинциальный юрист, сделавший успешную карьеру в столице, получил несколько министерских постов в третьем и четвертом правительствах генерала Нарваэса, где сделал карьеру настолько «крепкого хозяйственника», чужающегося всякой идеологии, что в середине XX в. начинает подниматься на щит даже франкистскими технократами как образец для подражания. «В конце концов, — пишет его биограф А. Бульон де Мендоса, — он полагал, что для развития страны более полезными, нежели радикальные трансформации, будут эволюции осторожные и, если хотите, медленные и маленькие, которые должны консолидировать все хорошее, укоренять его, совершенствовать и делать эффективным»⁴⁹.

²² Браво является непосредственным преемником генерала Нарваэса, что, собственно, и обуславливает либерально-консервативный характер всей его политики на фундаментальном уровне. Принципиальное различие между ними заключается в том, что Нарваэс силовыми действиями сумел-таки подавить в Испании революцию 1848—1849 гг., Браво же намеревался не допускать подобного развития событий в будущем; при этом они оба пали жертвами

собственной политики, расчистив тем самым политическое пространство для пришествия левой фракции.

²³ Основное содержание предлагаемой правительством Браво конституционной реформы сводилось — аутентично — к усилению так называемого «принципа власти», для чего в действующей Конституции 1845 г. предполагалось отменить или несколько сократить часть либеральных статей. Браво, в частности, собирался увеличивать полномочия исполнительной власти в противовес законодательной; проводить заседания Кортесов за закрытыми дверями; председателя и вице-председателя Конгресса депутатов назначать в соответствии с волей короны, а не избирать на заседании нижней палаты парламента; а также лишить ее возможности самостоятельно определять собственный регламент. Одновременно существенно сокращались и права граждан, полностью отменялась их конституционная гарантия: теперь права устанавливались в соответствии с обыкновенными законами, которые можно было довольно легко изменить. В исключительных случаях Корона получала возможность законодательной инициативы и вовсе вне контекста Кортесов⁵⁰. При этом Ст. 19 проекта Конституции должна была гласить: «Личность короля является священной и неприкасаемой, она не подчинена никакой ответственности. Ответственными являются министры короля»⁵¹.

²⁴ Учитывая то обстоятельство, что Конституция 1845 г. и без того была написана под диктовку «модератос» с однозначно антиреволюционными интенциями, предлагаемый проект, воспринятый большинством наблюдателей как откровенная попытка делиберализации политического режима и реставрации Старого порядка, однозначно сдвигал его авторов во главе с Браво вправо, то есть в направлении традиционализма.

²⁵ Между тем, доказывая в Кортесах необходимость проведения реформы, Браво не только утверждал, что «нынешние политические институты не удовлетворяют потребностям страны»⁵², но и старался в своей аргументации не выходить за рамки либерального консерватизма: «Реформы, конечно же, тяжелы, — признавал он, — но таковы, что, предоставив большую свободу и полномочия правительству, усилив королевскую власть на пользу народов, они не затронут сущности конституционного представительного режима, поскольку у страны остается возможность для необходимого вмешательства в написание законов»⁵³. При этом Браво отвергал любую возможность постатейного голосования за проект, настаивая на том, чтобы изменения в Конституцию и восемь дополнительных законов голосовались в Кортесах одним пакетом, поскольку они представляли собой «органический и систематизированный набор проектов». Отсюда, если содержание реформы и трактовалось еще кем-то как либерально-консервативное, то методы ее принятия расценивались уже однозначно как «протоавторитарные». В результате левая фракция начала обвинять Браво в попытке государственного переворота и консолидировалась в этом вопросе с центристской⁵⁴. Маркиз де Мирафлорес, один из авторов проекта, оставил нам подробнейшее описание жарких внутрипартийных дебатов, не без сарказма отмечая, что многие «модератос» «превращались тогда в нежнейших

друзей, хотя еще незадолго до этого были непримиримыми соперниками»⁵⁵. Группу противников Браво возглавили Мария Кристина, являвшаяся на протяжении нескольких десятилетий несменяемым патроном либерально-консервативного крыла «модерадос», и генерал Нарваэс как «эспадон», или «двуручный меч», Изабель II. Все они толкали Браво к союзу с традиционалистами. В письме к Браво Мартинес объяснил свое неприятие проекта тем, что считает его «радикальным» и «противоречащим моим [Мартинеса — Ю. В.] принципам и взглядам»⁵⁶, за что Боррего назвал его «достойнейшим представителем принципов конституционализма, мягчайшего по своему характеру и почтительного к королевской прерогативе»⁵⁷. В то время как проект Браво, с точки зрения Боррего, был выполнен в «духе жесткого конституционализма»⁵⁸. В результате левая фракция Боррего, противопоставлявшая себя демонстрирующим правый уклон центристской (Мартинесу) и правой (Браво) фракциям, на этот раз открыто объединяется с первой против второй, что в перспективе вело к распаду «модерадос» и созданию ЛС.

²⁶ Подливая масло в огонь, Браво идет еще дальше, издавая указ, в котором запрещает прессе любое обсуждение готовящейся реформы, и почти сразу же закрывает две кафедры в мадридском «Атенео» (красноречия и истории), поскольку, несмотря на запрет правительства, противники проекта по-прежнему продолжали свои дискуссии. Последствия такого шага оказались для Браво самыми негативными: поддавшись давлению со стороны генералов во главе с Нарваэсом, 13 декабря свое доверие к председателю правительства отзывает и Изабель II, в результате чего Браво лишается самой серьезной своей поддержки при дворе⁵⁹.

²⁷ Дополнительным аргументом в пользу того, что Браво мог оказаться за пределами либерально-консервативного крыла «модерадос», является письмо поддержки от самого дона Карлоса, направленное еще 11 июня 1851 г. В нем дон Карлос писал: «Я желаю Вам доброго здоровья и сил для продолжения консолидации трона Испании и моей августейшей племянницы, во имя блага нации»⁶⁰. При этом нельзя забывать и того, что с 1842 г. Браво как юрист неизменно отстаивал интересы испанской — и не только — высшей аристократии, принимавшей в силу своего «врожденного» традиционализма конституционную монархию Изабель II очень сдержанно и с большими оговорками. Более того, к концу 1852 г. правая фракция оказывается в незначительном меньшинстве и сводится, как пишет Боррего, «к чисто министерской фракции»⁶¹, что также могло способствовать ее «поглощению» традиционалистским крылом «модерадос». Сотрудничество Браво в конце жизни с карлистами становится лишь логичным завершением этого процесса.

²⁸ 1.3. Левая фракция. Политическая карьера Боррего — это во многом, если не прежде всего, история испанской политической журналистики середины XIX в. Как и в случае с Браво образ Боррего был также востребован франкистами к концу 1960-х гг. — начале 1970-х гг., когда пролиберальная журналистика нуждалась в своих героях. Боррего, известный как «примиритель»⁶², «далекий, — по словам

Бальмеса, — от того, чтобы навешивать ярлыки реакционеров, фанатиков, интолерантных тем, кто думает иначе»⁶³, вполне укладывался в логику умеренных франкистов, обосновывавших необходимость социально-политического реформизма; одновременно его фигура не настораживала и охранительную франкистскую цензуру. Примечательно, что впервые в новейшей испанской историографии о Боррего в 1950 г. заговорил историк Л. Санчес Ахеста⁶⁴, бывший франкист и национал-католик, перешедший во времена позднего франкизма на либеральные позиции⁶⁵.

²⁹ На общем историографическом фоне, ограничивающимся определением Боррего как либерального консерватора, выделяется интерпретация К. де Кастро, в которой подчеркивается его «изначальное стремление» «осуществить определенную либерализацию “модерадос”»⁶⁶ и «открыть для консервативной партии толерантность и направить ее по истинно либеральному пути»⁶⁷; «создать либерально-консервативную партию, которая бы, опираясь на класс средних собственников, была готова принять игру по конституционным правилам и политические свободы, а также продвинуть страну по пути социально-экономических и политических реформ»⁶⁸.

³⁰ Политическая карьера Боррего начинается в лагере полковника Риго, которому он помогает продвигаться по Андалузии; в 1830 г. он принимает личное участие в июльской революции в Париже⁶⁹, пробыв три дня на баррикадах и «будучи убежденным, — как он напишет в своих мемуарах, — что триумф французских либералов внесет свой вклад в установление свободы в Испании»⁷⁰. В своей первой газете “El Precursor” в том же году он напишет: «Душой правительства является доверие; без него нет ни порядка, ни мира, ни свободы»⁷¹. «Свобода для него, — пишет Д. Гомес Мольеда, — не могла быть сдобрена ни религиозными чувствами, ни традиционными привязанностями испанцев»⁷². «Кричите “Свобода!” и не более того»⁷³. Однако далее, перечислив все либеральные права и свободы, Боррего заговаривает об «обременительной идее осторожности и умеренности»⁷⁴, столь почитаемой консерваторами в целом.

³¹ Отсюда главная проблема, которую решает Боррего: как приучить к почитанию Свободы либерально-консервативное крыло «модерадос», столь часто срывающееся вправо. В итоге Боррего выходит на идею будущего ЛС между «прогрессистами» как «экзальтированными» либералами слева и «модерадос» как «умеренными» справа. Кастро утверждает, что идея «либеральной толерантной партии»⁷⁵ зарождается у Боррего уже в 1838 г., к концу первой карлистской войны: «Чтобы победить дона Карлоса, — пишет он, — между умеренными и экзальтированными не может быть разногласий»⁷⁶. Именно тогда Боррего предлагает «создание третьей партии, конституционно-монархической, которая бы примирила “принципы порядка, власти, религии” с “духом свободы и демократической тенденцией эпохи”; то есть включила бы в себя “легитимные требования обеих школ”»⁷⁷.

32 История показала, что «легитимные требования» — это самое узкое место концепции, поскольку к ним Боррего не смог отнести ни Королевский статут центристов во главе с Мартинесом, ни проект конституционной реформы, предложенной правой фракцией во главе с Браво. В конструируемом ЛС для них места не находилось. В итоге, оторвавшись от склонных к «протоавторитаризму» правых уклонистов в либерально-консервативном крыле «модерадос», Боррего уходит в одиночное плавание. ЛС был создан в 1858 г. во главе с генералом Л. О’Доннелем-и-Хорисом⁷⁸ и, многократно переродившись в виде Либерально-консервативной партии Кановаса дель Кастильо, «Народного фронта» М. Фраги Ирибарне и «Народной партии» Х. М. Аснара фактически — с перерывом на франкистскую эпоху — просуществовал до сегодняшнего дня. Боррего оказался на генеральной линии истории, в то время как партия «модерадос», созданная либеральными консерваторами с целью защиты трона Изабель II, канула в лету вместе со своей королевой уже в конце 1860-х гг.

33

2. Традиционалистское крыло «модерадос»

Традиционалистское крыло «модерадос» было своеобразной «ахиллесовой пятой» партии, поскольку оно так никогда и не смогло институционализироваться даже по понятиям середины XIX в. Объяснить это можно двояко. Во-первых, изабелиты изначально были не партией, а широким общественно-политическим течением, которое просто не нуждалось в институционализации; а, во-вторых, часть традиционалистов в рядах «модерадос» составили те карлисты, которые приняли мирный договор после первой карлистской войны, а их-то либерально-консервативное крыло и не принимало в качестве однопартийцев даже эмоционально. Отсюда и проблемы с признанием традиционалистского крыла как правого фланга «модерадос» в историографии вопроса. Между тем, условным «фронтменом» традиционалистского крыла может быть назван Х. Доносо Кортес, переживший в 1847—1848 гг. так называемое «обращение в традиционализм».

34 Революция 1848—1949 гг. как главный фактор «обращения» Доносо становится настолько очевидным объяснением, что большинство интерпретаторов склоняются именно к этой версии, внося в нее лишь очень незначительные нюансы. Так, Пачеко в 1853 г. заявляет: «...не ищите другого объяснения последнему периоду его жизни; не ищите его особенно применительно к знаменитой работе [«Очерку» — Ю. В.], которая разнесла по всей Европе его имя»⁷⁹. За Пачеко следуют немецкие интерпретаторы. Так, К. Шмитт, например, пишет, что «вследствие переживаний 1848 г. [Доносо — Ю. В.] поменял характер своей деятельности, высказавшись открыто и однозначно против либерализма и революции»⁸⁰, притом что «еще до 1848 г. он был консерватором в своей политической деятельности и христианином-католиком по своим религиозным убеждениям»⁸¹. Той же позиции придерживается и Э. Шрамм, утверждая, что 1848 г. — «это решающая дата в интеллектуальной и религиозной эволюции Доносо Кортеса»⁸². «Февральская революция была, без сомнения, тем импульсом,

который подвинул Доносо к решению, обусловившему подлинный переворот в его жизни, и привел его к тотальной концепции католицизма со всеми вытекающими последствиями в сфере политики»⁸³. Но в дальнейшем: «Необходимо заменить мысль о внезапном “обращении” на мысль о постепенной эволюции, при которой определенно революция 1848 г. и какое-то время до нее, обуславливаемое личным опытом, сыграли особо заметную роль»⁸⁴. То же самое пишут и правые испанцы Галиндо⁸⁵ и Суарес Вердегер: «Все авторы, которые что-то написали о Доносо, единодушны в том, что утверждают влияние этого события [революции 1848 г. — Ю. В.] на Доносо, однако оно, возможно, было меньшим, чем предполагается, поскольку изучение революций его привлекало с самой ранней молодости, и в определенном смысле она не была для него слишком уж неожиданной»⁸⁶.

³⁵ Проблема лишь в том, что, как мы увидели выше, в эти годы либерально-консервативное крыло «модерадос» в целом переживает в своей политической практике правый уклон; и принципиальное отличие Доносо заключается лишь в степени этой правизны. Как пишет Олабаррия, «революция 1848 г. означала начало эпохи социал-демократической агитации; поэтому часть старой либеральной буржуазии, разочаровавшейся в своем прошлом, начала обращаться к авторитарным формулам, примиряясь с антилиберальным и ультракатолическим традиционализмом»⁸⁷. Что важно, здесь нужно различать по крайней мере один нюанс: в то время как либеральные консерваторы начинают «обращаться к авторитарным формулам», Доносо начинает примиряться «с антилиберальным и ультракатолическим традиционализмом». Отсюда производно и его политическое действие: так, если в «Речи о диктатуре» (январь 1949 г.)⁸⁸ он поддерживает правительство «модерадос» во главе с генералом Нарваэсом, то уже через год в «Речи об общей ситуации в Европе»⁸⁹ (январь 1950 г.) он громит его, выходя на идеи, которые в полную силу будут развернуты им в «Очерке о католицизме, либерализме и социализме» (1851)⁹⁰, где под «либерализмом» будет пониматься фактически либеральный консерватизм, будь то испанские «модерадос» или французские «либеральные доктринеры» во главе с Ф. П. Г. Гизо.

³⁶ В дальнейшем в рамках «модерадос» наметившееся в ходе революции 1848—1849 гг. отмежевание традиционалистов от либеральных консерваторов лишь усилится вплоть до прямого союза первых с карлистами во время третьей карлистской войны (так называемые «неокатолики»⁹¹), что, помимо всего прочего, и позволит выводить традиционалистское крыло из состава «модерадос» и, соответственно, ассоциировать партию исключительно с либеральными консерваторами.

37

Заключение

Таким образом, «нерешительная», как сказал бы Шмитт, либеральная буржуазия, потратив на завоевание политической власти в Испании почти столетие, сразу же вступила в жаркие дискуссии между собой, оправдав тем

самым презрительное отношение к себе со стороны Доносо Кортеса — «дискутирующий класс!», — что по прошествии очередного столетия не без удовольствия и было подмечено выдающимся немецким конституционалистом⁹². С другой стороны, дискуссия — отличная альтернатива любой перестрелке, в которую ввергли себя и страну «решительные» карлисты. Отсюда производны и сила, и слабость либерально-консервативного крыла партии «модерадос», фракции которого, разделяясь по многим линиям, старались прибегать к насилию лишь в исключительных случаях. При этом, как показала история (и не только испанская XIX в.), «плохой мир» имеет куда больше перспектив в плане созидательного развития, чем «хорошая война». И если центристы Мартинеса постоянно метались между левым и правым уклонами, совершая феноменальные политические кульбиты, то правая фракция Bravo, предложившая системное политическое насилие, потерпела поражение почти сразу же (что уж говорить про карлистов, которые даже после трех проигранных войн с большим трудом превращались в парламентскую партию), в то время как левая Боррего, выступившая за системный диалог, получила прямое продолжение себя в следующей исторической эпохе.

³⁸ В рамках либерально-консервативного крыла в основе деления на фракции лежало определенная политическая философия, связанная с различным соотношением определяемых довольно широко, — что, действительно, только запутывает все дело, — либеральной Свободы и консервативного Порядка. Так, если центристы Мартинеса выступали за их гармоничное сочетание, что у них очень красиво получалось в теории, но очень плохо на практике; то правая фракция Bravo сделала упор на консервативный Порядок и после этого была вынуждена постоянно оправдываться за то, что совсем забыла о либеральной Свободе, убеждая одновременно всех, что нет, не забыла, а просто на какое-то время решила ее ограничить во имя всеобщего блага. Левая же фракция Боррего, наоборот, так сильно настаивала на либеральной Свободе, что легко приносила ей в жертву консервативный Порядок, ассоциируя его в лучшем случае с современными традиционалистами типа изабелита Доносо Кортеса или склонного к союзу с карлистами Бальмеса, а в худшем — со средневековыми традиционалистами, которые были совсем уж неприемлемы для середины XIX в. при всей красоте активно формирующегося в это время, как сказал бы Эрреро, «реакционного мифа». В результате именно левая фракция Боррего начнет определять партию «модерадос» как в целом консервативную, поскольку ее в забвении любого консерватизма и обвиняли.

³⁹ Кроме того, различия между либерально-консервативными фракциями «модерадос» определялись еще и степенью толерантности к своим оппонентам; и в этом отношении также прорисовывается определенная закономерность: так, чем правее на политическом спектре располагалась фракция, тем менее толерантно она вела себя со своими оппонентами и тем менее договороспособной в итоге оказывалась, что в свою очередь критически сказывалось на ее долгожительстве. Отсюда неудивительно, что наибольшую жизнеспособность проявила левая фракция Боррего, которая по тактическим соображениям могла договариваться не только со своими единомышленниками-либеральными консерваторами справа, но и оказалась способна прийти к стратегическому соглашению со своими оппонентами-либералами слева. Подобная гибкость левой фракции, обусловившая

не в последнюю очередь хрупкость партии «модератос», выводила ее за пределы исторической эпохи, в то время как остальные, несмотря на все затраченные усилия, эту высоту взять так и не смогли.

Примечания:

1. Herrero J. Los orígenes del pensamiento reaccionario español. Madrid: Cuadernos para el Diálogo, 1973. P. 27.
2. Там же.
3. Там же. P. 401.
4. Artola Gallego M. Partidos y programas políticos (1808—1936). T. I: Los partidos políticos. Madrid: Aguilar, 1977. P. 205.
5. См., например: Suárez Verdeguer F. La crisis política del Antiguo Régimen en España (1800—1840). Madrid: Ediciones Rialp, 1988. P. 29, 31, 33, 39—41, 47, 49, 51—52, 54, 68—69, 83—84, 87, 89, 92, 105, 122, 130.
6. Álvarez Junco J. Mater Dolorosa. La idea de España en el siglo XIX. Madrid: Taurus, 2001. P. 129.
7. Avilés Farré J. Prólogo // Guerrero Latorre A., Pérez Garzón S., Rueda Hernanz G. Historia política, 1808—1874. Madrid: Akal, 2004. P. 9.
8. Menéndez y Pelayo M. Historia de los heterodoxos españoles. Libro Séptimo. Capítulo I: La heterodoxia entre los afrancesados. I. Invasión francesa. -El espíritu religioso en la Guerra de la Independencia [Электронный ресурс]. URL: [>>>](#) (дата обращения: 19.09.2023).
9. См., например: Carr R. España, 1808—1975. Barcelona: Editorial Ariel, 1984; Fernández de Castro I. De las Cortes de Cádiz al posfranquismo (1808—1980). Barcelona: Ediciones 2001, 2001. Vol. I: 1808—1956; Longares Alonso J. La ideología religiosa del liberalismo español (1808—1843). Córdoba: Real Academia de Córdoba, 1979.
10. Artola Gallego M. Los Orígenes de la España Contemporánea. Madrid: Instituto de Estudios Políticos, 1975. T. I. P. 117.
11. Elorza A., López Alonso C. Arcaísmo y Modernidad. Pensamiento político en España, siglos XIX—XX. Madrid: Historia 16, 1989. P. 11.
12. Artola Gallego M. Los Orígenes de la España Contemporánea. T. I. P. 9.
13. Там же. P. 213.
14. Balmes J. Escritos políticos. Barcelona: Biblioteca Balmes, 1925. T. I: Triunfo de Espartero (mayo de 1840 — mayo de 1842). P. 58.
15. Herrero J. Los orígenes del pensamiento reaccionario español. Madrid: Cuadernos para el Diálogo, 1973. P. 401.
16. Balmes J. Escritos políticos. Barcelona: Biblioteca Balmes, 1925. T. II: Caída de Espartero (mayo de 1842 — enero de 1844). P. 92.
17. Там же. P. 116.
18. Balmes J. Escritos políticos. Barcelona: Biblioteca Balmes, 1925. T. IV: Constitución del primer Ministerio de Narváez (mayo — septiembre de 1844). P. 363.
19. Suárez Verdeguer F. Introducción a Donoso Cortés. Madrid: Rialp, 1964. P. 19.
20. Там же. P. 24.
21. Balmes J. Escritos políticos. Barcelona: Biblioteca Balmes, 1925. T. II. Caída de Espartero (mayo de 1842 — enero de 1844). P. 41.
22. См.: Artola Gallego M. Los Orígenes de la España Contemporánea. T. I. P. 13—14, 15—16.
23. См.: Olabarriá Agra J. Introducción // Donoso Cortés J. Ensayo sobre el catolicismo, el liberalismo y el socialismo. Madrid: Biblioteca Nueva, 2007. P. 9, 16, 19.
24. См.: Galindo Herrero S. Donoso Cortés y su teoría política. Badajoz: Imp. Diputación Provincial, 1957. P. 209, 309, 312, 330, 339, 354.
25. См.: Pro Ruiz J. Las Constituciones españolas. Madrid: Iustel, 2010. Vol. III: El Estatuto Real y la Constitución de 1837. P. 23—24.

26. См.: Bueno G. El mito de la izquierda. Barcelona: Ediciones B, 2004. P. 91.
27. См.: Seco Serrano C. Tríptico carlista. Estudios sobre historia del carlismo. Barcelona: Editorial Ariel, 1973. P. 140—141.
28. Рахшмир П. Ю. Консерватизм и либерализм: Метаморфозы консенсуса // Полис (Политические исследования). 2005. № 5. С. 65.
29. Suárez Verdeguer F. Introducción a Donoso Cortés. Madrid: Rialp, 1964. P. 20.
30. См.: Дюверже М. Политические партии. М.: Академический проект, 2000.
31. Gonzáles Santos L. Godoy. Madrid: Silex, 1994. P. 53.
32. См.: Lara Nieto M. del C. Ilustración española y pensamiento inglés: Jovellanos. Granada: Universidad de Granada, 2008. P. 9, 69.
33. См.: Herrero J. Los orígenes del pensamiento reaccionario español. Madrid: Cuadernos para el Diálogo, 1973. P. 157.
34. Balmes J. Escritos políticos. Barcelona: Biblioteca Balmes, 1925. T. II. Caída de Espartero (mayo de 1842 — enero de 1844). P. 203.
35. См.: Suárez Verdeguer F. La crisis política del Antiguo Régimen en España (1800—1840). Madrid: Ediciones Rialp, 1988.
36. См.: Oliva Marra-López A. Andrés Borrego y la política española del siglo XIX. Madrid: Instituto de Estudios Políticos, 1959. P. 42, 54, 106.
37. См.: Василенко Ю. В. Королевский статут Ф. Мартинеса де ла Росы и становление нового порядка в Испании в первой половине XIX в. // Антиномии. 2018. Т. 18. № 2. С. 55—68.
38. Seco Serrano C. Tríptico carlista. Estudios sobre historia del carlismo. Barcelona: Editorial Ariel, 1973. P. 11.
39. Там же.
40. Pérez de la Blanca Sales P. Martínez de la Rosa y sus tiempos. Barcelona: Editorial Ariel, 2005. P. 115.
41. Цит. по: Там же. P. 267.
42. См.: Там же. P. 287.
43. См.: Borrego A. De la organización de los partidos en España, considerada como medio de adelantar la educación de la nación, y de realizar las condiciones del gobierno representativo. Madrid: Centro de estudios políticos y constitucionales, 2007. P. 181.
44. Там же. P. 83.
45. Sosa L. de. Don Francisco Martínez de la Rosa, político y poeta. Madrid: Espasa-Calpe, 1930. P. 221—222.
46. Там же. P. 220.
47. Цит. по: Pérez de la Blanca Sales P. Martínez de la Rosa y sus tiempos. Barcelona: Editorial Ariel, 2005. P. 357.
48. См.: Revesz A. Un dictador liberal: Narváez. Madrid: Aguilar, 1953.
49. Bullón de Mendoza A. Bravo Murillo y su significación en la política española. Madrid: Gráficas Valera, 1950. P. 183.
50. См.: Там же. P. 243—244.
51. Там же. P. 340.
52. Цит. по: Там же. P. 242.
53. Цит. по: Там же. P. 243.
54. См.: Borrego A. De la organización de los partidos en España, considerada como medio de adelantar la educación de la nación, y de realizar las condiciones del gobierno representativo. Madrid: Centro de estudios políticos y constitucionales, 2007. P. 121—124.
55. Цит. по: Bullón de Mendoza A. Bravo Murillo y su significación en la política española. Madrid: Gráficas Valera, 1950. P. 247.
56. См.: Там же. P. 371—372.

57. Там же. P. 123

58. См.: Borrego A. De la organización de los partidos en España, considerada como medio de adelantar la educación de la nación, y de realizar las condiciones del gobierno representativo. Madrid: Centro de estudios políticos y constitucionales, 2007. P. 145.

59. См.: Bullón de Mendoza A. Bravo Murillo y su significación en la política española. Madrid: Gráficas Valera, 1950. P. 249—250.

60. Цит. по: Там же. P. 389.

61. См.: Borrego A. De la organización de los partidos en España, considerada como medio de adelantar la educación de la nación, y de realizar las condiciones del gobierno representativo. Madrid: Centro de estudios políticos y constitucionales, 2007. P. 134.

62. См.: Balmes J. Escritos políticos. Barcelona: Biblioteca Balmes, 1926. T. V: Campaña parlamentaria de la minoría balmista (Octubre — Diciembre de 1844). P. 33.

63. Там же.

64. См.: Oliva Marra-López A. Andrés Borrego y la política española del siglo XIX. Madrid: Instituto de Estudios Políticos, 1959. P. 5.

65. См.: Pasamar Alzuria G., Peiró Martín I. Historiadores españoles contemporáneos. Madrid: Ediciones AKAL, 2002. P. 563—564.

66. См.: Andrés Borrego, periodismo político liberal conservador (1830—1846). Madrid, 1972. P. 27, 29.

67. Там же. P. 35.

68. Borrego A. De la organización de los partidos en España, considerada como medio de adelantar la educación de la nación, y de realizar las condiciones del gobierno representativo. Madrid: Centro de estudios políticos y constitucionales, 2007. P. XIX.

69. См.: Там же. P. XX; Oliva Marra-López A. Andrés Borrego y la política española del siglo XIX. Madrid: Instituto de Estudios Políticos, 1959. P. 61.

70. Borrego A. De la organización de los partidos en España, considerada como medio de adelantar la educación de la nación, y de realizar las condiciones del gobierno representativo. Madrid: Centro de estudios políticos y constitucionales, 2007. P. 9.

71. Andrés Borrego, periodismo político liberal conservador (1830—1846). Madrid, 1972. P. 40.

72. Borrego A. El 48. Autocrítica del liberalismo. Madrid, 1970. P. 11.

73. Andrés Borrego, periodismo político liberal conservador (1830—1846). Madrid, 1972. P. 43.

74. Там же. P. 45—46.

75. Borrego A. De la organización de los partidos en España, considerada como medio de adelantar la educación de la nación, y de realizar las condiciones del gobierno representativo. Madrid: Centro de estudios políticos y constitucionales, 2007. P. 29.

76. Andrés Borrego, periodismo político liberal conservador (1830—1846). Madrid, 1972. P. 207.

77. Borrego A. De la organización de los partidos en España, considerada como medio de adelantar la educación de la nación, y de realizar las condiciones del gobierno representativo. Madrid: Centro de estudios políticos y constitucionales, 2007. P. XXIII.

78. См.: Durán de la Rúa N. La Unión Liberal y la modernización de la España isabelina. Una convivencia frustrada, 1854—1868. Madrid: Akal, 1979; Martínez Gallego F. A. Conservar progresando: la Unión Liberal (1856—1868). Valencia: Centro Francisco Tomás y Valiente, UNED Alzira, 2011.

79. Pacheco J. F. Literatura, historia, política. Madrid: Adegí Graphics LLC, 1864. T. II. P. 232.

80. Schmitt C. Interpretación europea de Donoso Cortés. Madrid: Rialp, 1952. P. 31.

81. Там же. P. 32.

82. Schramm E. Donoso Cortés. Su vida y su pensamiento. Madrid: Espasa Calpe, 1936. P. 165.

83. Там же. P. 185.

84. Schramm E. Donoso Cortés, ejemplo del pensamiento de la tradición. Madrid: Ateneo, 1952. P. 16.

85. Galindo Herrero S. Donoso Cortés y su teoría política. Badajoz: Imp. Diputación Provincial, 1957. P. 99.
 86. Suárez Verdeguer F. Vida y obra de Juan Donoso Cortés. Pamplona: Eunate, 1997. P. 699.
 87. Olabarria Agra J. Introducción // Donoso Cortés J. Ensayo sobre el catolicismo, el liberalismo y el socialismo. Madrid: Biblioteca Nueva, 2007. P. 9.
 88. См.: Donoso Cortés J. Discurso pronunciado en el Congreso el 4 de enero de 1847 // Obras de Juan Donoso Cortés, marqués de Valdegamas. Madrid: Editorial de San Francisco de Sales, 1904. Vol. II. P. 109—132.
 89. См.: Donoso Cortés J. Discurso sobre la situación general de Europa, pronunciado en el Congreso el 30 de enero de 1850, al discutirse el proyecto de autorización al Gobierno para plantear los presupuestos // Obras de Juan Donoso Cortés, marqués de Valdegamas. Vol. II. P. 159—182.
 90. См.: Donoso Cortés J. Ensayo sobre el catolicismo, el liberalismo y el socialismo // Obras de Juan Donoso Cortés, marqués de Valdegamas. Madrid, 1903. Madrid: Editorial de San Francisco de Sales, 1903. Vol. I. P. 3—402.
 91. См.: Urigüen B. Orígenes y evolución de la derecha española: el neo-catolicismo. Madrid: Centro de estudios históricos, 1976.
 92. См.: Schmitt C. Interpretación europea de Donoso Cortés. Madrid: Rialp, 1952. P. 82.
-

Библиография:

1. Василенко Ю. В. Королевский статут Ф. Мартинеса де ла Росы и становление нового порядка в Испании в первой половине XIX в. // Антиномии. 2018. Т. 18. № 2. С. 55—68.
2. Дюверже М. Политические партии. М.: Академический проект, 2000.
3. Рахшмир П. Ю. Консерватизм и либерализм: Метаморфозы консенсуса // Полис (Политические исследования). 2005. № 5. С. 60—79.
4. Álvarez Junco J. Mater Dolorosa. La idea de España en el siglo XIX. Madrid: Taurus, 2001.
5. Andrés Borrego, periodismo político liberal conservador (1830—1846). Madrid, 1972.
6. Artola Gallego M. Los Orígenes de la España Contemporánea. Madrid: Instituto de Estudios Políticos, 1975. T. I.
7. Artola Gallego M. Partidos y programas políticos (1808—1936). T. I: Los partidos políticos. Madrid: Aguilar, 1977.
8. Avilés Farré J. Prólogo // Guerrero Latorre A., Pérez Garzón S., Rueda Hernanz G. Historia política, 1808—1874. Madrid: Akal, 2004.
9. Balmes J. Escritos políticos. Barcelona: Biblioteca Balmes, 1925. T. I: Triunfo de Espartero (mayo de 1840 — mayo de 1842).
10. Balmes J. Escritos políticos. Barcelona: Biblioteca Balmes, 1925. T. II: Caída de Espartero (mayo de 1842 — enero de 1844).
11. Balmes J. Escritos políticos. Barcelona: Biblioteca Balmes, 1926. T. IV: Constitución del primer Ministerio de Narváez (mayo — septiembre de 1844).

12. Balmes J. Escritos políticos. Barcelona: Biblioteca Balmes, 1926. T. V: Campaña parlamentaria de la minoría balmista (octubre — diciembre de 1844).
13. Borrego A. De la organización de los partidos en España, considerada como medio de adelantar la educación de la nación, y de realizar las condiciones del gobierno representativo. Madrid: Centro de estudios políticos y constitucionales, 2007.
14. Borrego A. El 48. Autocrítica del liberalismo. Madrid, 1970.
15. Bueno G. El mito de la izquierda. Barcelona: Ediciones B, 2004.
16. Bullón de Mendoza A. Bravo Murillo y su significación en la política española. Madrid: Gráficas Valera, 1950.
17. Carr R. España, 1808—1975. Barcelona: Editorial Ariel, 1984.
18. Donoso Cortés J. Discurso pronunciado en el Congreso el 4 de enero de 1847 // Obras de Juan Donoso Cortés, marqués de Valdegamas. Madrid: Editorial de San Francisco de Sales, 1904. Vol. II. P. 109—132.
19. Donoso Cortés J. Discurso sobre la situación general de Europa, pronunciado en el Congreso el 30 de enero de 1850, al discutirse el proyecto de autorización al Gobierno para plantear los presupuestos // Obras de Juan Donoso Cortés, marqués de Valdegamas. Vol. II. P. 159—182.
20. Donoso Cortés J. Ensayo sobre el catolicismo, el liberalismo y el socialismo // Obras de Juan Donoso Cortés, marqués de Valdegamas. Madrid, 1903. Madrid: Editorial de San Francisco de Sales, 1903. Vol. I. P. 3—402.
21. Durán de la Rúa N. La Unión Liberal y la modernización de la España isabelina. Una convivencia frustrada, 1854—1868. Madrid: Akal, 1979.
22. Elorza A., López Alonso C. Arcaísmo y Modernidad. Pensamiento político en España, siglos XIX—XX. Madrid: Historia 16, 1989.
23. Fernández de Castro I. De las Cortes de Cádiz al posfranquismo (1808—1980). Barcelona: Ediciones 2001, 2001. Vol. I: 1808—1956.
24. Galindo Herrero S. Donoso Cortés y su teoría política. Badajoz: Imp. Diputación Provincial, 1957.
25. Gonzáles Santos L. Godoy. Madrid: Silex, 1994.
26. Herrero J. Los orígenes del pensamiento reaccionario español. Madrid: Cuadernos para el Diálogo, 1973.
27. Lara Nieto M. del C. Ilustración española y pensamiento inglés: Jovellanos. Granada: Universidad de Granada, 2008.

28. Longares Alonso J. La ideología religiosa del liberalismo español (1808—1843). Córdoba: Real Academia de Córdoba, 1979.
29. Martínez Gallego F.A. Conservar progresando: la Unión Liberal (1856—1868). Valencia: Centro Francisco Tomás y Valiente, UNED Alzira, 2011.
30. Menéndez y Pelayo M. Historia de los heterodoxos españoles. Libro Séptimo. Capítulo I: La heterodoxia entre los afrancesados. I. Invasión francesa. El espíritu religioso en la Guerra de la Independencia. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/historia-de-los-heterodoxos-espanoles/html/fee78e52-82b1-11df-acc7-002185ce6064_88.html#I_297 (дата обращения: 19.09.2023).
31. Olabarría Agra J. Introducción // Donoso Cortés J. Ensayo sobre el catolicismo, el liberalismo y el socialismo. Madrid: Biblioteca Nueva, 2007. P. 9—45.
32. Oliva Marra-López A. Andrés Borrego y la política española del siglo XIX. Madrid: Instituto de Estudios Políticos, 1959.
33. Pacheco J.F. Literatura, historia, política. Madrid: Adegí Graphics LLC, 1864. T. II.
34. Pasamar Alzuria G., Peiró Martín I. Historiadores españoles contemporáneos. Madrid: Ediciones AKAL, 2002.
35. Pérez de la Blanca Sales P. Martínez de la Rosa y sus tiempos. Barcelona: Editorial Ariel, 2005.
36. Pro Ruiz J. Las Constituciones españolas. Madrid: Iustel, 2010. Vol. III: El Estatuto Real y la Constitución de 1837.
37. Revesz A. Un dictador liberal: Narváez. Madrid: Aguilar, 1953.
38. Schmitt C. Interpretación europea de Donoso Cortés. Madrid: Rialp, 1952.
39. Schramm E. Donoso Cortés, ejemplo del pensamiento de la tradición. Madrid: Ateneo, 1952.
40. Schramm E. Donoso Cortés. Su vida y su pensamiento. Madrid: Espasa Calpe, 1936.
41. Seco Serrano C. Tríptico carlista. Estudios sobre historia del carlismo. Barcelona: Editorial Ariel, 1973.
42. Sosa L. de. Don Francisco Martínez de la Rosa, político y poeta. Madrid: Espasa-Calpe, 1930.
43. Suárez Verdeguer F. Introducción a Donoso Cortés. Madrid: Rialp, 1964.
44. Suárez Verdeguer F. La crisis política del Antiguo Régimen en España (1800—1840). Madrid: Ediciones Rialp, 1988.

45. Suárez Verdeguer F. Vida y obra de Juan Donoso Cortés. Pamplona: Eunate, 1997.

46. Urigüen B. Orígenes y evolución de la derecha española: el neo-catolicismo. Madrid: Centro de estudios históricos, 1976.

Spanish “Moderados” in the Middle of the 19th Century: Factional Contradictions and Struggle

Yurij Vasilenko

Higher School of Economics

Russian Federation, Moscow

Abstract

The article analyzes inter-factional contradictions and struggles in the Spanish party “Moderados” in the middle of the 19th century. The author proposes to structure this party as consisting of two wings: liberal-conservative (left flank) and traditionalist (right flank); and if the first is defined by him as the mainstream of the party, then the second is its periphery which is not always recognized in the historiography of the issue. The liberal-conservative wing is also divided into three factions which, although never institutionalized, nevertheless have their own “frontman” and a certain ideological and value range: thus, the author proposes to put F. Martinez de la Rosa, J. Bravo Murillo at the head of the right faction and A. Borrego Moreno at the head of the left faction. Having briefly traced the history of relationships between factions and identifying historically significant points of conflict, the author comes to the conclusion that the basis of their contradictions was the different ratio of liberal Liberty and conservative Order, which largely determined their inclination or disinclination to political violence and the degree of agreement with opponents.

Keywords: 19th century Spain, “moderados”, party factions, liberal conservatism, traditionalism, New Order

Publication date: 26.10.2023

Citation link:

Vasilenko Y. Spanish “Moderados” in the Middle of the 19th Century: Factional Contradictions and Struggle // ISTORIYA – 2023. – V. 14. – Issue 9 (131) [Electronic resource]. URL: <https://history.jes.su/S207987840028238-0-1> (circulation date: 22.11.2023). DOI: 10.18254/S207987840028238-0